

тридцатилетний возраст, отличалась большой миловидностью. Многие вздыхали по ней, по не было слышно, чтобы она хоть кого-нибудь любила. Сон мой был в руку: я привязался ко вдовушке с первого же дня. Должно быть, у нас возникла обоюдная симпатия, ибо она всегда относилась ко мне с величайшей доброю; а когда мы с нею прощались, она поцеловала меня в губы, да так крепко, что этот поцелуй оставил глубокую рану в моем сердце. Лизис, который незадолго до того женился на очаровательной женщине, не захотел остаться у своих сестер более шести дней и заставил меня возвращаться с ним под проливным дождем. Мы ехали верхом; школьник обычно недалновиден; не знаю, повинна ли была в том моя слишком короткая куртка, или дело было в сапогах, но только я никак не мог толком запахнуться, и вода беспрестанно стекала мне на ноги. Увы! Сердце мое обливается кровью, когда я вспоминаю о зеленых шелковых чулках, которые совсем полинились.

На праздник святого Мартина моя Вдовушка прискала в Париж; я тотчас же к ней отправился. Мне было стыдно предстать перед нею в забрызганном грязью платье: в ту пору еще не существовало ни портшезов, ни галон, а от площади Мобер, где я жил, до улицы Монторгей, где жила она с сестрою, было очень далеко. Начиная разыскивать коняев наемных лошадей и наконец нахожу довольно сносную, могущую сойти у среднего горожанина за собственную; беру также напрокат у шорника приличное седло в уздечку; лакей у меня тогда уже был. В таком-то вот виде я еду мимо рынка Сент-Ипполи, где мне навстречу попадает старший брат. «Куда путь держишь, рыцарь?» — спрашивает он (меня звали так потому, что я был без ума от Амадиса Галльского).² — «Я еду к Тирсису,³ — отвечаю я, — там должны читать комедию». — «Я тебя вовсе не спрашиваю, что ты там собираешься делать», — говорит он. (После он узнал, что там никакого чтения и не предполагалось). С той поры я вечно перед всеми оправдывался, хотя никто ничего мне в вину не ставил, и когда кто-нибудь, застав меня у Вдовушки, говорил: «А, вот вы где, рыцарь!» — я всегда отвечал либо «Я пришел поиграть в кегли», либо «Я пришел поиграть в волаи». И все начинали смеяться.

Понемногу я до того запутался в своем вранье, что ни о чем ином думать не мог. Надо мною потешались; я же старался как-нибудь выпутаться. Она держалась шутиливо, и ей нравилось вдумать к себе любовь; но это зашло дальше, нежели она предполагала. Серилас, один из самых блестящих умов того времени, был влюблен в нее уже более двух лет; она относилась к нему снисходительно, он был в ее доме своим человеком; он и трое его братьев, из коих один был весьма известен своей склонностью к поэзии, в этом доме, что называется, дивали и почевали. Двое других остроумцев приходили туда частенько во вторую половину дня; Ренилье оттуда не вылезал; там довольно мило веселились.

Серилас вскоре превращал Вдовушку ко мне, и не без основания, ибо, по правде говоря, она вела себя не очень-то осторожно; например,